

Глава 13. Следы десяти лет

Чжу Ли неподвижно сидел, привалившись спиной к стволу раскидистого дерева. Прошло немало времени, но он так и не пошевелился — должно быть, уснул мертвым сном.

Однако У Сан все равно не спешил приближаться. Он подобрал с земли мелкий голыш, зажал его между пальцами и резким щелчком отправил вперед.

Свист рассекаемого воздуха не встревожил спящего. Камешек угодил точно в сонную точку на шее юноши. Тот лишь слегка качнулся, безвольно сполз по стволу чуть ниже и снова замер.

Только тогда У Сан решился подойти ближе. Он сразу заметил, что, несмотря на несколько слоев одежды, Чжу Ли мелко дрожал от холода, а бледный лунный свет не мог скрыть пылающий румянец на его щеках.

У Сан опустил на корточки рядом. Сжав на мгновение кулаки, он протянул руку к чужому лбу, но замер в нерешительности. Вглядевшись в незащитное лицо спящего, он все же мягко приложил ладонь к его коже.

Лоб Чжу Ли буквально горел. У Сан поспешно отдернул руку, но прерывистое дыхание юноши успело коснуться его запястья, опалив, точно открытый огонь. Он потер тыльную сторону ладони.

У Чжу Ли был сильный жар.

Оглядевшись по сторонам, У Сан приметил на склоне горы небольшую пещеру, укрытую от ветра. Он легко подхватил ослабевшего юношу на руки, негромким свистом подозвал пасшегося в отдалении коня и перенес больного под каменный свод.

Убежище оказалось тесным. За день скала раскалилась под палящим солнцем, и теперь изнутри веяло удушливым, почти осязаемым теплом.

Уложив Чжу Ли на землю, У Сан при скупом лунном свете, проникавшем сквозь расселину, внимательно осмотрел его раны. Плечи, руки, грудь, бедра — все тело было покрыто множеством порезов. К счастью, глубоких повреждений не нашлось, лишь поверхностные рассечения от кривых сабель хусцев. Ничего смертельного.

Облегченно вздохнув, У Сан вытащил все припасенные мази и снадобья. Он принялся осторожно освобождать юношу от нагромождения одежд, и его пальцы при этом едва заметно дрожали.

Кожа Чжу Ли оказалась вовсе не такой матово-белой, как на лице. Она имела приятный золотистый оттенок спелой пшеницы, лишь кое-где перечеркнутый старыми, едва заметными

шрами. Линия его позвоночника плавно изгибалась у поясницы, очерчивая сильную, красивую спину. Он не был худощав: крепкое телосложение выдавало мастера боевых искусств — развитые, полные скрытой упругости мышцы приковывали взгляд.

Легкий ветерок донес снаружи свежий аромат луговых трав и едва уловимый, сладковатый запах созревающего риса. У Сан скользнул взглядом по золотистой спине Чжу Ли и вдруг ощутил легкий голод.

Обычно У Сан обрабатывал раны уверенно и ловко, но сейчас лихорадочный жар чужого тела сбивал его с толку. К какому бы участку кожи он ни прикасался, ладони словно опаляло огнем. От этого он действовал непривычно неуклюже: пальцы не слушались, когда он наносил мазь, а бинты ложились криво. Когда с перевязкой было покончено, У Сан почувствовал, что сам взмок от пота, а его дыхание стало прерывистым.

Вдобавок в крошечном гроте сделалось невыносимо душно. Стены словно сдавливали грудь, не давая вздохнуть, будто его заперли в узком сосуде. Закрепив последний узел на повязке, У Сан поспешно шагнул на улицу, жадно глотая ночную прохладу.

Луна уже почти закатилась, предвещая скорый рассвет. Судя по симптомам, у Чжу Ли начался сильный воспалительный процесс — «яд и огонь» проникли глубоко в плоть. К счастью, дикие склоны изобиловали полезными растениями. Пользуясь последними минутами темноты, У Сан обыскал окрестности и набрал целебных кореньев и листьев, очищающих кровь от жара. Выжав сок, он по капле влил его в приоткрытый рот раненого, а влажную кашицу из растертых листьев приложил к сухим, потрескавшимся губам.

Убрав за собой все следы, У Сан уже собрался покинуть пещеру, но перед уходом еще раз посмотрел на Чжу Ли. Тот по-прежнему лежал без памяти. С его лица исчезло привычное открытое, доброжелательное выражение. Юноша жалобно нахмурился, а яркий румянец на щеках делал его хрупким.

У Сан помедлил, а затем снова опустился на колени. Он аккуратно взял левую руку Чжу Ли и раскрыл его ладонь.

Поперек нее тянулся полукруглый шрам — старый, пожелтевший ожог, заметно побледневший за годы. У Сан осторожно провел большим пальцем по отметине. Ладонь у Чжу Ли была мягкой, но рубец ощущался под подушечкой пальца жестким и неровным. Этот след оставался безмолвной дверью, связывающей их с далеким прошлым.

Глубокие ожоги заживают долго, оставляя после себя вечные отметины. Десять лет пролетело, а шрам так и не исчез. Облик же маленького Чжу Ли за эти годы почти стерся из памяти У Сана, превратившись в неясное воспоминание. И когда тогда, на горе Темных Бровей, этот статный юноша с теплой улыбкой представился Чжу Ли, Чжу Цуньчжи, душу У Сана захлестнуло странное, неопишемое чувство.

В те далекие дни Чжу Ли был сущим дитятей — хрупким и белым, точно фарфоровая куколка,

капризным, но невыразимо милым и привязчивым. А уж если ему что-то требовалось, он смотрел такими глазами, что отказать ему не повернулся бы язык ни у одного человека на свете.

Шел второй год правления под девизом Юаньхэ. В тот промозглый осенний день с самого вечера лил нещадный дождь, заставляя людей кутаться в теплую одежду. Мальчик спал на жесткой лавке в камерке привратника, когда его пробудили истошные крики резни. Бежать пришлось без оглядки, даже не успев набросить верхнее платье.

Та ночь выдалась невыносимо холодной. В одной тонкой рубаше, босоногий, он мчался по грязи, спасаясь от погони. Убийцы настигали его, несколько раз холодная сталь едва не рассекла ему спину. Из последних сил выскочив на широкий тракт, он рухнул на землю. Сил подняться не осталось, веки налились свинцом. Перепуганные кони летевшего на полной скорости экипажа взвились на дыбы прямо перед ним. Возница рванул поводья слишком поздно — копыта уже опускались на распростертое тело. Мальчик закрыл глаза, уверенный, что его ждет нелепая смерть под копытами коней, раз уж удалось спастись от мечей.

Но повозка чудом остановилась. Как он узнал позже, именно из-за этого внезапного толчка маленький Чжу Ли, сидевший внутри, потерял равновесие и, падая, оперся ладонью прямо на горящий угольный прибор. Так и остался на его руке этот вечный след.

Тогда он ненадолго лишился чувств. А когда пришел в себя, то сквозь пелену услышал тихий, мягкий детский голосок, умоляющий кого-то:

— Дядя Сян, давай спасем его. Ну пожалуйста.

Неужели помощь близко? У Сан с огромным трудом разомкнул веки. Сначала он увидел угрожающе близкие лошадиные копыта, затем — дорожный фонарь в маленьких руках, на бумаге которого красовался крупно выведенный иероглиф «□». И лишь потом разглядел лицо самого ребенка: укутанный в дорогие меха, тот смотрел на него блестящими, словно подернутыми влагой глазами.

В груди у беглеца разлилось тепло. Встретив этот чистый, полный искреннего сострадания взгляд, он понял: если бы этот мальчик просил о чем-то его самого, он выполнил бы любую его просьбу. С этой успокаивающей мыслью он снова провалился в темноту.

У Сан не знал, сколько пролежал без памяти. В беспрестанном бреду его преследовали одни и те же кошмары той страшной резни. Очнувшись, он почувствовал, как к его лбу прикоснулось что-то прохладное. Выработанные годами тренировок рефлексy сработали мгновенно — У Сан резко вскинул руку, проводя захват.

Однако находившийся рядом человек превосходил его в мастерстве. Прямо на постели они обменялись десятком молниеносных приемов, пока противник аккуратно, но твердо не зафиксировал его запястья, пресекая всякое сопротивление.

Только тогда У Сан смог осмотреться. Комната была чистой, теплой и уютной, в углу весело потрескивали угли в жаровне, а укрывавшее его одеяло оказалось легким и мягким. Даже раны на теле почти перестали ныть.

Удерживавший его мальчик негромко хмыкнул, отпустил его руки и отступил на пару шагов. Он встал, чинно заведя руки за спину, стараясь придать своему круглому, румяному детскому личику максимально серьезный вид. Одна ладонь незнакомца была укутана белыми бинтами, а в другой он сжимал мокрое полотенце — очевидно, его-то он и собирался сменить у больного на лбу.

Значит, кровавая баня осталась позади, погоня миновала. По крайней мере, на время.

У Сан поспешил выразить признательность и извиниться за излишнюю подозрительность.

Маленький хозяин вежливо сложил ладони в приветствии и не по-детски важно произнес книжную фразу:

— Все мы делим просторы Поднебесной, и помогать тем, кто оказался в беде — наш долг.

Однако надолго его напускной серьезности не хватило. Не успев договорить, он тут же примостился на край постели и с важным видом представился:

— Мое имя Чжу Ли, второе имя — Цуньчжи.

Откуда у такого сорванца взрослое вежливое имя? У Сан удивленно вскинул брови, и мальчишка, смутившись, заодно рассмеялся:

— Ну ладно, второе имя я сам себе придумал, для солидности!

Чжу Ли тогда едва исполнилось лет девять. Совершенно не смущаясь угрюмого молчания незваного гостя, он вертелся рядом, настойчиво выпытывая его имя. Но поскольку вся семья У Сана погибла, раскрывать свое происхождение было смертельно опасно. Видя его нерешительность, маленький Чжу Ли заговорщически прошептал ему на ухо:

— Если другим говорить нельзя — не надо. Шепни мне по секрету! Клянусь, никому не расскажу, могила! — И он смешно вскинул ладошку в клятвенном жесте.

Те три или четыре дня в трактире стали самым светлым воспоминанием за все последующие годы. Пока преследователи обыскивали улицу за улицей, он укрывался под надежным крылом влиятельного семейства Чжу, притворяясь слугой приболевшего молодого господина, исправно пил горькие отвары и спокойно залечивал раны.

С тех пор у него больше никогда не было столь мирного прибежища. Прошло десять лет, облик Чжу Ли почти стерся в памяти, но воспоминание о той недолгой передышке оставалось кристально ясным.

Время течет подобно реке. Тот доверчивый ребенок, что когда-то шептал ему на ухо глупости, превратился в благородного и статного мужа, безупречного, как редкий белый нефрит. Теперь он был способен в одиночку противостоять невзгодам Поднебесной, вершить правосудие и преследовать опасных преступников.

Его чистая, почти упрямая вера в справедливость, стремление во что бы то ни стало отделить добро от зла заставляли сердце У Сана болезненно сжиматься. У Сан давно лишился этой чистоты. Для него, убийцы из тайной организации, подобное деление мира было непозволительной роскошью.

И вот теперь он сам стал той целью, за которой Чжу Ли охотился во имя долга. Но в кровавой бойне в поместье Ян не было правых и виноватых, а У Сан вовсе не собирался покорно подставлять шею под топор палача.

Десять лет назад Чжу Ли спас его от неминуемой гибели. Спустя годы они столкнулись вновь, и Чжу Ли, наступая на пятки, раз за разом сужал кольцо. Он вел себя открыто, не ожидая удара в спину от случайного знакомого, и у У Сана была масса возможностей избавиться от назойливого преследователя. Но он каждый раз щадил его.

Но что будет дальше? Рано или поздно Чжу Ли настигнет его.

У Сан бережно сжал пальцы спящего юноши, в последний раз коснувшись шероховатого ожога, и принял жесткое решение. При следующей встрече он не пощадит соперника. Отрекшийся от чувств убийца не имеет права на милосердие.

Пальцы Чжу Ли слабо шевельнулись. У Сан вскинул взгляд, но тот не проснулся — лишь поежился от холода и тихо, болезненно застонал во сне. На нем были лишь легкие летние одежды, совсем не державшие тепло. У Сан вздохнул, снял свой плотный сине-черный плащ и тщательно укутал им бьющегося в лихорадке юношу.

Этот плащ он надевал лишь однажды, когда пробрался в заброшенную усадьбу Ло. В тот день Чжу Ли пережил сильное потрясение, поэтому вряд ли запомнил такие мелочи. Он не догадается.

За ночь под теплой тканью больной хорошенько пропотеет, и к утру жар должен спасть.

Идущим разными дорогами не суждено идти рука об руку. У Сан подобрал свой длинный меч и бесшумно двинулся к выходу.

Ему нужно было во что бы то ни стало избежать встречи со сподвижниками Трех Чудовищ Западного озера, оторваться от рыщущих повсюду хусцев, скрыться от Чжу Ли и как можно скорее добраться до горы Лазурных Облаков. К тому же по его следу шла еще одна группа неизвестных, чьи мотивы он пока не мог разгадать. Впрочем, сейчас это его не заботило — единственным желанием было поскорее вернуться в родную обитель.

Эту ночь Чжу Ли проспал без задних ног, даже не пошевелившись, зато его измученный разум без конца одолевали причудливые, сменяющие друг друга сны.

Сначала ему снилось, что он наконец настиг У Сана и мертвой хваткой вцепился в его пояс. Однако коварный беглец легко выскользнул из завязок и бросился прочь, роняя на бегу одежды.

Затем видение сменилось: Чжу Ли будто бы повалил упряма на землю и принялся осыпать ударами, но тело того под кулаками раз за разом проминалось, точно набитый хлопком тюфяк, сводя на нет всю силу замаха.

Под конец ему привиделось, будто он накрепко связал настигнутого врага, опрокинул навзничь и занес над ним меч, намереваясь изуродовать клинком его лицо. Острие уже коснулось щеки, как вдруг У Сан посмотрел на него и тепло улыбнулся. От неожиданности рука Чжу Ли дрогнула, удар ушел в сторону, и сталь с тихим звоном вонзилась в сухую землю.

Зачем он улыбался? Почему смотрел с такой мягкостью на того, кто собирался пролить его кровь?

Мучимый этими вопросами, Чжу Ли беспокойно мотнул головой, ощутимо приложился затылком о каменный выступ и резко открыл глаза.

Это был всего лишь сон. Похоже, от непрекращающейся погони он совсем лишился рассудка. Чжу Ли горько усмехнулся и поморщился от невыносимо резкого, вяжущего вкуса во рту. Оглядевшись, он зажмурился от яркого утреннего света. Он лежал под сводами... пещеры?

Он рывком поднялся, но застарелые раны напомнили о себе болью, заставив его поморщиться. Но физическая боль отступила на второй план перед главным вопросом: как он здесь оказался? Ведь вчера он засыпал совсем в другом месте!

Прислонившись к каменной стене и потирая гудящую голову, Чжу Ли недоуменно огляделся. Через неровный зев пещеры ему были видны залитые солнцем склоны, его конь, мирно щиплющий траву неподалеку, и одинокое раскидистое дерево на холме. Он совершенно отчетливо помнил, как засыпал под той самой сосной.

Что же произошло ночью? Неужели он в бреду сам перебрался под укрытие скал? Юноша покачал головой — лунатизмом он отродясь не страдал.

Ничего не понимая, Чжу Ли со вздохом отогнал эти мысли. Сейчас важнее всего было продолжить поиски У Сана. Для начала нужно было обработать порезы, сменить пропотевшую одежду и немедленно выдвигаться. Вчера ночью наемника зажали в кольцо хусцы; теперь, помимо слежки за сообщниками Трех Чудовищ Западного озера, можно было пойти по следу кочевников — так он непременно выйдет на беглеца.

Однако стоило ему закатать широкий рукав, как он замер в глубоком изумлении. Юноша спешно ощупал плечи, грудь и ноги: все раны были аккуратно обработаны целебной мазью и перевязаны чистыми лоскутами ткани.

Как это понимать?

Растерянный, Чжу Ли поднялся на ноги. В тесной пещере не осталось никого, лишь у входа сиротливо лежали его дорожные вещи. Кто совершил это милосердное дело?

Он в волнении облизнул сухие губы и поморщился от невыносимо горького привкуса. Коснувшись пальцами лица, юноша обнаружил на губах сухие темно-зеленые крупички — остатки растертых в кашу целебных листьев. Значит, посреди ночи кто-то перенес его в пещеру, промыл порезы, а затем буквально насильно напоил горьким соком диких трав?

Юноша невольно посмотрел на пасшегося снаружи коня. Верный скакун послушно следовал за ним, куда бы его ни переносили. Снова ощутив на языке невыносимую горечь, Чжу Ли достал из мешка чистый платок и тщательно вытер рот.

Его собственное платье насквозь взмокло от ночного пота и неприятно липло к телу. Решив первым делом переодеться, он склонился над вещами и внезапно замер в изумлении. Поверх его дорожного гардероба лежала чужая темно-синяя накидка плотного сукна.

Это точно была не его вещь.

Он бережно поднял накидку, и сердце его бешено заколотилось. Не веря собственным глазам, Чжу Ли принялся лихорадочно осматривать незнакомую вещь, разворачивая ее к свету.

В самом низу подола, у правого края, виднелся ровный, длинный разрез, оставленный острым клинком.

Это... плащ У Сана!

В тот памятный вечер в Лицью, когда они с Лю Чуйсюем решились проникнуть в заброшенную усадьбу Ло и едва не лишились чувств от страха, загадочный убийца был облачен именно в это сине-черное одеяние. Когда он бесшумно соткался из ночного полумрака, Чжу Ли сразу заметил на подоле его плаща характерную прореху от удара меча. И теперь этот след был прямо перед ним — на том же самом месте, ни на цунь в сторону.

Значит, все эти перевязки, горький сок на губах, спасительная прохлада пещеры... все это сделал он.

Прижав плотную ткань к груди, Чжу Ли прислонился к холодному камню. Сердце переполняли самые противоречивые чувства: растерянность и грусть мешались с тихой, светлой радостью.

Они с У Саном встретились случайно и едва успели обменяться парой слов, но между ними странным образом возникло негласное, глубокое доверие. У Сан ни разу не попытался скрыть от него свои тайные прибежища, когда дело шло о жизни и смерти, а сам Чжу Ли вел расследование трагедии семьи Ян открыто, не скрывая своих шагов от опасного наемника.

У Сан прекрасно знал, что Чжу Ли в одиночку проделал путь в тысячи ли лишь ради того, чтобы раскрыть тайну поместья Ян. Этой ночью у убийцы была идеальная возможность раз и навсегда покончить с навязчивым преследователем. Но вместо смертельного удара он потратил драгоценное время на поиски целебных корней и бережно перевязал его раны.

У Сан не был безжалостным чудовищем, проливающим кровь ради забавы.

И все же, спасши его, он снова сбежал.

Чжу Ли тихо вздохнул, поднялся на ноги и принялся быстро приводить в порядок дорожное снаряжение. Путь следовало продолжить немедленно. В деле семьи Ян таилось слишком много темных пятен, и он не мог допустить, чтобы У Сан погиб под лавиной ложных обвинений. Он должен найти упрямого наемника раньше, чем до него доберутся враги.

<http://bllate.org/book/20387/2134928>